

Камила Левитан

Развод
с предателем.

ТЫ ПРОДАЛ НАШУ ЖИЗНЬ
ДОЧЕРИ КОНКУРЕНТА!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Ты продал
нашу жизнь дочери конкурента!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты продал нашу жизнь дочери конкурента! /
К. Левитан — «Автор», 2026

— Ты испекла мне торт, Марина? Спасибо. Виктории понравится! Семь лет я была идеальной женой. Пока не застала мужа в гостинице с дочерью нашего главного конкурента. Любовница доедала мой праздничный торт и смеялась мне в лицо. Но Денису оказалось мало измены. Он объявил меня сумасшедшей перед советом директоров, добился увольнения, заблокировал счета и попытался оставить с миллионной ипотекой. А потом я нашла договор. Муж платил любовнице триста тысяч ежемесячно. Из денег компании! Они уверены, что я сломалась. Но я аудитор. И знаю, где искать украденные миллионы. Теперь предателя ждёт проверка, которую он не переживёт. А меня — новая жизнь и любовь.

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты продал нашу жизнь дочери конкурента!

Глава 1

Система бухгалтерии издала тихий, почти неуловимый щелчок. Красный индикатор на экране монитора пульсировал в такт моему сердцу: «Несовпадение дат». Я моргнула, стирая с ресниц усталость. В три часа дня офис отдела контроля качества в Екатеринбурге гудел, как старый холодильник, и мне хотелось просто поставить галочку. Принять отчет Дениса Сергеевича Ковалева, регионального директора филиала логистики, закрыть рутину и пойти домой. Там меня ждала пустая квартира, холодный ужин и тишина, которую я научилась любить больше его громких обещаний о будущем.

Но пальцы зависли над клавиатурой. В отчете поездки начиналась в пятницу, а билет был на четверг. Сама по себе разница в сутки ничего не доказывала: дорога тоже занимает время. Но лишний день в расходах оставили без пояснения. Я потянулась к приложенному билету.

— Марина, ты чего застыла? — шепнула Лена из смежного отдела, проходя мимо моего стола с чашкой остывшего кофе. Она бросила взгляд на экран и хмыкнула. — Денис Сергеевич всегда так делает. Говорят, он любит гибкость в графиках. Не поднимай шум, а то он тебя съест. Он же директор.

В её голосе звенела привычная покорность иерархии. «Он же директор». Эти слова были ключом к клетке, в которой мы все сидели, но я вдруг почувствовала, как этот ключ повернулся в замке моей собственной души, открывая дверь наружу. Обида, колючая и горячая, поднялась от желудка к горлу. Семь лет я была «серой мышью», которая сверяет цифры, пока муж строит империи. Моя компетентность была удобной мебелью, которую можно двигать, когда мешает проходу.

— Это не опечатка, Лена, — сказала я тихо, но четко. — Это расхождение. И я не ставлю галочку вслепую.

Я открыла архив корпоративной почты. У меня был доступ к почтовому ящику Дениса «для порядка» и «на случай внеплановой проверки». Раньше я пользовалась этим правом только чтобы найти подтверждение брони для виз или распечатать приглашение на конференцию. Теперь я искала ложь.

Поисковый запрос вывел письмо от сервиса бронирования. Фамилия пассажира: Левченко.

Я замерла. Ковалев — это Денис. Левченко — это кто? Коллега? Партнер? Или ошибка при пересылке PDF-файла, как я сама пыталась себя убедить минуту назад? Я кликнула на прикрепленный скан электронного билета. Шрифт четкий, без размытия. В железнодорожном билете стояло имя другого пассажира. Почему его поездку включили в отчет Дениса? Само по себе это еще ничего не доказывало, но объяснение я собиралась получить. Чужое имя вторгалось в нашу общую жизнь, как вирус в операционную систему. Холодок пробежал по спине. Командировкой это назвать больше не поворачивался язык. Это был секрет.

Телефон Дениса недоступен. Помощник, молодой парень с идеальной прической и глазами загнанного зверя, встретил меня у лифта.

— Денис Сергеевич на важной встрече с инвесторами, — выпалил он, даже не дав мне договорить. — Просил не беспокоить по ерунде. Вы понимаете, что такое срочные вопросы?

Парень даже не спросил, что я хотела передать. Жена начальника пришла с вопросами — значит, ерунда. Я стиснула ремень сумки, чтобы не начать оправдываться перед человеком, которому еще вчера помогала сводить отчет. Вспомнился тяжелый запах духов Виктории, дочери нашего главного конкурента, в переговорной. Я знала этот запах. А помощник уже пятился к лифту и смотрел мимо меня: лишь бы я поскорее ушла.

— Ерунда? — переспросила я, чувствуя, как внутри всё стягивается в тугий узел. — Если директор прячет фамилии в билетах, это не ерунда. Это уголовщина.

Помощник побледнел. А я развернулась и направилась не в кабинет, а к гардеробу. Я еду в Краснодар. Эта мысль испугала сильнее чужой фамилии в билете: там придется спросить его в лицо. У гардероба я замешкалась, потом все-таки надела пальто. Аудит филиала логистики даст мне повод приехать. Если Денис начнет кричать о личной мести, я потребую объяснений по отчету. От него, а не от его перепуганного помощника.

Аэропорт Кольцово встречал гулом реактивных двигателей и запахом пластика. В самолете я пыталась рационализировать увиденное. Может, Денис купил билет на коллегу Левченко? Может, это часть какой-то сложной схемы оптимизации налогов? Я перебирала варианты, как четки, надеясь, что один из них окажется правдой. Но память играла со мной жестокие шутки.

Позавчера, на день рождения Дениса, я испекла «Наполеон». Для него даже купила подарочную упаковку — черную матовую коробку с золотым вензелем. Он забрал торт, обещая угостить коллег, а вечером сказал, что забыл коробку на работе. «Забудешь тут, когда весь в делах», — улыбнулся он своей фирменной улыбкой, которая раньше казалась мне очаровательной, а теперь напоминала оскал акулы.

Я достала телефон и открыла соцсети. Поиск по имени Виктории. Последняя фотография на стене: она в ресторане, смеется, прикрывая рот салфеткой. На заднем плане, на стуле, стоит черная коробка с золотым вензелем. Торт, который «забыли на работе», оказался в руках любовницы мужа. Логика рассыпалась, как карточный домик. Страх сменился яростью. Холодной, кристально чистой яростью человека, который наконец понял, что его держали за дурака.

Отель в Краснодаре пах хвоей и дорогим кондиционером. Администратор, мужчина с лицом, высеченным из гранита, отказывался называть номер Дениса.

— Политика конфиденциальности гостей VIP-уровня, — произнес он монотонно, глядя поверх моих очков.

Он видел во мне назойливую жену, готовую устроить скандал. Бюрократический барьер стоял стеной. Но я пришла сюда не просить. Я пришла требовать.

Я медленно достала из сумки служебное удостоверение старшего аналитика головной компании. Положила его на стойку рядом с чеком на бронирование люкса.

— Если вы откажетесь предоставить информацию для проверки лицензионных соглашений отеля на предмет нарушений закона о персональных данных, я инициирую полный аудит вашей базы клиентов через Роскомнадзор, — сказала я ровным, деловым тоном. — Вы хотите потерять репутацию ради одного номера?

Администратор побледнел. Его уверенность таяла, как снег на солнце. Он нервно кивнул и назвал номер.

Коридор перед номером был пуст. Тишина давила на уши. Из-за двери, которая была приоткрыта буквально на пару сантиметров, доносился звук. Смех. Женский, легкий, игривый. Не смех коллеги. Не смех бизнес-партнера. Смех женщины, которая чувствует себя хозяйкой положения.

Мои колени дрогнули. Тело хотело развернуться, убежать, спрятаться за углом и позвонить кому угодно, только не ему. Инстинкт самосохранения кричал: «Беги!» Но ноги не слушались. Они вели вперед, ведомые той самой холодной яростью, которая не отпускала меня с Екатеринбурга.

Я толкнула дверь плечом. Она поддалась с мягким скрипом.

Комната была залита теплым светом настольной лампы. Посреди комнаты стоял Денис. Только полотенце на бедрах. Волосы мокрые. Рядом, на кровати, сидела Виктория. Она доедала кусок того самого торта. На столе лежали документы по слиянию компаний, которые я видела в его папке.

Тишина стала оглушительной. Денис обернулся. На мгновение его лицо исказилось от шока, но затем маска мгновенно сменилась. Возмущение. Гнев. Оскорбление.

— Марина! — его голос сорвался на фальшивый бас. — Ты вторглась в частную жизнь! Это клевета! Ты следишь за мной?!

Виктория схватила телефон, лежащий на простыне, и начала снимать видео, направляя камеру на меня. Её глаза блестели от азарта жертвы, которую «преследует истеричка».

— Успокойся, детка, — бросил Денис ей, не отводя от меня глаз. — Сейчас полиция будет здесь. Она пытается дискредитировать меня перед советом директоров. Промышленный шпионаж, попытки шантажа...

Они действовали слаженно. Отработанный сценарий. Жена-истеричка против успешного мужчины и его невинной подруги. Они ждали моих слез, моих криков, моего унижения.

Я молчала. Моё сердце билось где-то в горле, но лицо оставалось каменным. Я сделала шаг вперед. Потом еще один. Денис отступил, наткнувшись на журнальный столик.

Я обошла их обоих. Медленно. Как хищник, оценивающий территорию. Мои руки дрожали, но я контролировала каждое движение. Я подошла к столу. Взглянула на документы. Затем сняла с коробки крышку с золотым вензелем. Аккуратно, двумя пальцами, подняла её и сунула в сумку. Остатки торта остались на столе. Я узнала собственную упаковку; Денис мог сколько угодно называть это паранойей.

Виктория перестала снимать. Денис открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, но я посмотрела ему прямо в глаза. В те красивые, манипулятивные глаза, в которые я верила семь лет.

— Билет на фамилию «Левченко» не объяснен в твоём отчете, — произнесла я тихо, но так, что эхо разлетелось по комнате. — Вы ведёте двойную бухгалтерию, Денис. И ты, Вика, тоже. Это не измена. Это соучастие в финансовом преступлении.

Лицо Дениса изменилось. Маска возмущенного супруга сползла, обнажив панику. Он не ожидал этого. Он ждал драмы, а получил юридический приговор. Виктория побледнела, опустив телефон. Впервые за вечер они выглядели не как хозяева жизни, а как пойманные крысы.

Я развернулась и вышла из номера, оставив дверь открытой. Пусть видят. Пусть слышат.

В коридоре, под звуки удаляющегося шага администратора, я достала телефон. Руки всё ещё дрожали, но пальцы уверенно набрали номер, который я не набирала пять лет. Номер Артема. Внешнего аудитора из Москвы. Циничного юриста, который ненавидел такие компании, как наша.

Гудки шли долго. Наконец, голос на другом конце провода, сонный и удивленный, произнес:

— Марина? Ты же ненавидела эту работу...

Я посмотрела на свои дрожащие руки, потом на оставленную открытой дверь номера, за которой рушился мир моего мужа.

— Я знаю, — сказала я, и в уголках губ появилась первая за полгода улыбка. Горькая, злая, живая. — Но я только что нашла идеальную жертву для аудита.

Глава 2

После звонка Артему я спустилась в холл «Рэдиссона». Он спросил, что у меня есть кроме слов. Крышка от коробки. Ни одного снимка. Наверху лежали документы, а я вынесла картонку. Отель пах кондиционером, дорогим кофе и чужой жизнью. Я стояла у ресепшена, чувствуя, как внутри меня застыл кусок льда. Мой палец лежал на корпоративной карте Дениса — той самой, которую он забыл дома в кармане куртки, считая её бесполезным пластиком без PIN-кода. Он не знал, что я помню его день рождения. Не потому что люблю цифры, а потому что привыкла всё проверять.

— Добрый день, — мой голос прозвучал ровно, почти скучно. — Мне нужно оформить доплату за минибар от имени гостя из номера четыреста двенадцать. Фамилия Левченко.

Администратор, девушка с идеальной укладкой и пустыми глазами, нахмурилась.

— Извините, мадам. Доступ к счетам гостей имеют только сами гости или их сопровождающие при личном присутствии. Или по звонку из номера.

Вот оно. Бюрократическая стена, которая должна была остановить любую «серую мышь», растерявшуюся в чужом городе. Но я не мышь. Я аудитор, который видит дыры в системе там, где другие видят порядок.

— У меня есть карта компании-партнера, — я положила пластик на стойку. — Денис просил закрыть текущие расходы, пока он занят на совещании. Вы же знаете, как это бывает: клиенты, переговоры, время не терпит. Если вы будете тянуть, я буду вынуждена написать жалобу на уровень сервиса в головной офис. А вы ведь понимаете, чем это обернется для вашей смены?

Её пальцы дрогнули над клавиатурой. Страх перед начальством сильнее правила безопасности. Она начала печатать. Я смотрела на её склоненную голову и чувствовала странное, холодное удовлетворение. Впервые за семь лет я использовала его небрежность против него самого. Карта прошла. Сумма списалась. Это был ложный след, маленький хак, чтобы отвлечь внимание персонала и дать мне пять минут на лестничной клетке.

Я развернулась и пошла к лифту, но не вошла. Лестница была ближе и тише. Каблуки стучали по мрамору, заглушая сердцебиение. Четыреста двенадцать. Четвертый этаж. Коридор пах свежей краской и дезинфекцией.

У двери номера я замерла. Внутри было тихо, но эта тишина казалась натянутой струной. Я прижалась ухом к холодной деревянной поверхности. Сначала ничего. Потом — смех. Громкий, раскатистый, женский. Тот самый смех, которого никогда не было в нашей квартире. Я обычно смеялась сдержанно, прикрывая рот рукой. А этот смех был свободным, хриплым, полным удовольствия. И следом за ним — низкий, бархатный голос Дениса.

— ...ты права, Вика. Эта дура даже не поняла, где лежит настоящий договор.

Имя. Не «Марина». Не «жена». Просто «дура». И обращение «Вика», произнесенное с интонацией, от которой у меня свело челюсти. Интонация собственника. Интонация нежности, которую он демонстрировал только перед зеркалом, тренируя улыбку для инвесторов.

Я слышала признание, но диктофон не включила. Пересказать Артему было мало: мне нужна была запись или снимки документов. Второй раз уйти с пустыми руками я не могла.

Я уже занесла руку, чтобы толкнуть дверь, если бы она была открыта, но та вдруг щелкнула замком и приоткрылась. На пороге стояла горничная в белом фартуке, с тележкой, заваленной полотенцами. Она увидела меня — бледную женщину в строгом пальто, прижавшуюся к чужой двери, — и её глаза расширились от ужаса и любопытства.

— Что вы делаете? — шепнула она, хватаясь за рацию на поясе. — Я вызову охрану!

Паника вспыхнула ярким пятном перед глазами. Сейчас. Сейчас меня выставят за дверь, как сумасшедшую. Как ту самую «истеричку», о которой он говорил коллегам.

Но я не побежала. Я медленно выпрямилась, поправила манжету рубашки и достала из кармана бейдж сотрудника отдела контроля качества. Пластик блеснул в тусклом свете коридора.

— Спокойно, — сказала я тем самым тоном, которым разговариваю с подчиненными, которые принесли отчет с ошибками. — Я представляю компанию-партнера. У нас внеплановая проверка условий размещения VIP-клиентов. Если вы вызовете охрану, вы нарушите протокол взаимодействия с ключевыми контрагентами. Вы хотите этого?

Горничная растерянно посмотрела на бейдж, потом на мое лицо, на котором не было ни капли страха. Только сухая профессиональная скука. Её рука медленно соскользнула с рации. Она отступила назад, освобождая проход.

— Проходите... пожалуйста, — пробормотала она.

Я вошла внутрь, оставив её за спиной.

Люкс встречал запахом дорогого парфюма и чего-то сладкого, приторного. Денис и Виктория сидели на диване. Они не обнимались страстно, не целовались. Они просто ели. Перед ними на журнальном столике стояла коробка торта. Та самая коробка. Серебряная фольга, в которую я завернула торт позавчера. Крышки с вензелем уже не было — она лежала в моей сумке. «Съешь сам, мне некогда», — написала я на записке.

Крем стекал с уголков. Денис откусывал большой кусок, глядя на телефон Виктории. Виктория смеялась над чем-то на экране. Этот торт был частью моей жизни, моего труда, моего одиночества в праздничный вечер. И вот он здесь, разрубленный на две части, разделенный между изменником и соучастницей.

Шок ударил в грудь так сильно, что перехватило дыхание. Это не абстрактная предательская связь. Это украденный кусок хлеба. Это кража времени, сил, внимания. Моя жизнь была съедена ими, как тот десерт.

Я не кричала. Не бросалась в драку. Мои руки действовали автоматически, как инструменты. Я достала телефон. Камера включилась мгновенно. Щелк. Фото торта. Крупный план моей надписи на фольге. Щелк. Их лица. Денис, жующий крем. Виктория, склонившаяся к нему.

Вспышка экрана осветила комнату. Денис вскинулся, крошки упали с его губ. Его лицо исказилось не стыдом, не страхом. Яростью. Худшей, животной яростью человека, пойманного на месте преступления, но решившего напасть первым.

— Ты опять?! — он вскочил, сбрасывая салфетку. — Какого черта ты делаешь здесь?

Виктория осталась сидеть, спокойно дожевывая кусок, и наблюдала за мной с любопытством исследователя, изучающего редкое насекомое.

— Удаляй, — приказал Денис, делая шаг ко мне. — Немедленно удаляй эти фото. Это вторжение в частную жизнь. Это промышленный шпионаж. Ты понимаешь, что я могу подать на тебя в суд?

Он говорил красиво. Гладкие фразы, отточенные годами практики.

— Ты истеришь, Марина. Ты всегда была ревливой параноидальной шизофреничкой. Я боялся тебя расстроить, поэтому молчал. А ты пришла сюда устраивать цирк.

Мои пальцы дрожали, но я сжала телефон крепче. Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Шизофреничка? — переспросила я тихо.

Я подняла телефон выше, показывая экран. Я переключилась с камеры на сохраненный отчет. Открытая таблица Excel. Столбец «Представительские расходы». Строка: «Торт "Наполеон", 3500 руб., Краснодар, отель Рэдиссон, встреча с партнерами». Дата: прошлый четверг.

— Кто эти «переговорщики», Денис? — спросила я, указывая на Викторию. — Ты делил десерт с конкуренткой? Или это часть сделки по слиянию активов, которую ты скрыл от совета директоров?

Лицо Дениса побледнело. Он не ожидал бухгалтерской точности. Он готовился к слезам, к уговорам, к скандалу. Но столкнулся с цифрами. Оружием стала не эмоция, а факт.

Виктория вдруг рассмеялась. Тихо, мелодично. Она встала, подошла ко мне и, прежде чем я успела отшатнуться, поправила воротник моего пальто. Её пальцы были холодными.

— Он любит сладкое, Марин, — прошептала она мне в ухо, и от её дыхания у меня по спине пробежали мурашки отвращения. — А ты всегда экономила на сливках. Экономия — это плохо для бизнеса.

Она знала слишком много. Не детали личной жизни, а детали финансов. Знала, что я экономлю. Знала, как работает его голова.

Я отстранилась, как от грязного предмета. Хотелось стереть с воротника след ее пальцев. Откуда она знает, на чем я экономлю? Денис жаловался ей на мои сливки за ужином? Или они вместе считали, сколько можно вытащить из наших счетов? Я посмотрела на документы на столе. Пусть попробует еще раз сказать, что зашла просто поесть торта.

Денис сделал резкое движение, пытаясь выхватить телефон из моих рук. Мы столкнулись плечами. Он схватил меня за запястье, впиваясь ногтями в кожу. Боль обожгла нервы, но я не отдала устройство.

— Отдай! — рычал он, теряя контроль над собой.

В этот момент раздался звонок в дверь. Короткий, настойчивый. Горничная не стала ждать дольше.

Денис резко отпустил мою руку, одернул пиджак и повернулся к двери, пряча лицо. Он понимал: скандал здесь будет хуже для него, чем для меня. Для него это конец карьеры, для меня — начало войны.

Он наклонился ко мне, и его голос стал тихим, угрожающим шелестом:

— Если ты выложишь это в сеть, я уничтожу твою карьеру. Никто не возьмет на работу женщину, которая лезет в чужие номера и ворует данные. Ты будешь никому не нужна. Ни мужу, ни друзьям, ни работодателям.

Ультиматум. Страх последствий. Классическая манипуляция.

Я посмотрела на свои руки. На красные следы от его пальцев на запястье. Затем на него.

— Я не выложу в сеть, — ответила я спокойно. — Я подам заявление в полицию и в прокуратуру. И начну с аудита твоего личного бюджета за последние три года. Посмотрим, куда уходили деньги с этой карты.

Дверь открылась. Вошла служба безопасности. Денис выпрямился, надевая маску обиженного бизнесмена. Виктория села обратно на диван и взяла бокал вина.

Я вышла в коридор, не оглядываясь. Шаги гулко отдавались в тишине отеля. В лифте, спускаясь вниз, я посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Они были готовы подписывать бумаги. Впервые за семь лет я чувствовала себя не женой, а кредитором, который пришел забирать долг.

Глава 3

Охрана отпустила меня в холле после проверки удостоверения. Я должна была уйти. Вместо этого снова поднялась: теперь уже не за доказательствами — за ответом. Денис сам открыл на мой стук, и я шагнула в номер. На столе оставался мой «Наполеон», над которым я возилась три вечера, пока он задерживался с коллегами. На уцелевшем краю марципана читалось: «С днём рождения, любимый». Я вернула крышку на стол, как улику в суде. Ждала крика, слез, хоть чего-то человеческого.

Денис даже не поднял глаз от телефона. Он раздраженно поморщился, будто к нему подлетела муха, и проверил, закрыта ли дверь. Холодок пробежал по спине. Моя драма проиграла его деловой скуке.

— О, ты вернулась, — раздался голос из ванной. Виктория вышла в шелковом халате, волосы мокрые, кожа пахла чужим парфюмом. Она улыбнулась так открыто, будто мы были подругами. — Мы как раз обсуждали твои отчеты. Денис сказал, что у тебя там ошибки в логистике.

Мой голос сорвался на шепот. Хотелось спросить: «Как ты могла?», но язык прилип к нёбу.

— Марина, выйди. Сейчас, — бросил Денис. Не просьба. Приказ. Как тогда, когда он звонил в офис и требовал документы до обеда.

Я не двинулась с места. Пальцы впились в спинку стула.

— Билеты на поезд оформлены на фамилию «Левченко», а отель забронирован на «Гостя». Это не командировка, Денис. Это измена.

Он рассмеялся коротко, сухо.

— Ты опять лезешь в мои дела, потому что тебе скучно дома? Паранойя, Марин. Тебе нужно к врачу. Ипотека висит на мне, а ты занимаешься детским садом?

Тошнота подкатила к горлу. Он не оправдывался. Он защищал территорию.

Денис шагнул ко мне. Его рука легла на плечо, толкая к двери.

— Если ты сейчас же не уйдешь, я скажу совету директоров, что у тебя нервный срыв. Ты потеряешь работу. И останешься одна со своими долгами.

Я схватилась за дверную ручку, костяшки побелели. Страх нищеты был сильнее боли унижения. Но он просто отжал мою руку, легко, небрежно, демонстрируя физическое превосходство. После контакта он вытер пальцы о рубашку, словно коснулся грязи.

В панике я потянулась за телефоном в кармане пальто. Нужно было снять видео. Доказать реальность этого кошмара.

Денис перехватил мое запястье, блокируя движение. Виктория тем временем спокойно села на край кровати, взяла кусок моего торта и начала есть, глядя на нас с любопытством хищника.

Телефон выскользнул из рук. Я успела подхватить его у самого пола, но экран ударился о ножку стула и треснул с сухим звуком. Звук падения стекла оказался громче любого крика. Экран погас. Снимки остались в облаке, а сделать новую запись я уже не могла.

Дверь распахнулась. Денис буквально выбросил меня в коридор, захлопнув её перед носом. Из-за дерева послышался смех Виктории и его голос: «Не переживай, дорогая, она просто ревнивая дура».

Я стучала кулаками, орала правду, которую никто не услышит. Коридор отеля был пуст. Охранник прошел мимо и даже не замедлил шаг. Я перестала стучать: за дверью смеялись, а здесь мне уже было стыдно собственного крика.

Стоя у стены, дрожа всем телом, я посмотрела на свои руки. На манжете пальто осталось пятно крема. Того крема из торта.

И вдруг поняла. Торт не забыли. Его оставили там специально. Это была не случайность, а демонстрация силы. Денис хотел, чтобы я увидела, кто теперь хозяин. А Виктория ела мой труд не ради вкуса, а ради того, чтобы уничтожить хозяйку. Предательство было спланированным спектаклем для зрителя №1.

Я посмотрела на свои руки, пахнувшие чужим кремом, и впервые за семь лет почувствовала не обиду, а голод. Голод по крови. Я не плакала. Я начала считать, сколько времени мне нужно, чтобы уничтожить их обоих.

Я умылась в туалете на третьем этаже и стерла крем с манжеты, но запах чужого десерта не отпускал — он стоял в носу, как само оскорбление. Распечатки легли в папку: билет, бронь, фото. Председатель совета директоров согласился принять меня в тот же день — слово «мошенничество» в заявлении открывает двери быстрее любого пропуска.

Запах кофе и дорогого табака ударил мне в лицо, стоило двери «Красного Октября» распахнуться. Я не шла — я летела, сжимая в потных ладонях папку с распечатками. Билет на поезд «Левченко», скриншот брони отеля, фото номера. Мои доказательства. Мой щит.

В зале сидели семеро. Председатель совета директоров, Игорь Сергеевич, поправлял очки, глядя на меня поверх их оправы так, будто перед ним муха, залетевшая в стерильную операционную. Денис был здесь же. Сидел во главе стола, спокойно завязывая узел своего галстука. Он даже не повернулся ко мне сразу. Это было хуже крика. Это было презрение к моему существованию.

— Марина, — голос Игоря Сергеевича прозвучал сухо, как треск сухих веток. — Что вы себе позволяете? Совет закрыт для посторонних.

Я шагнула к столу, чувствуя, как колени дрожат от адреналина, но заставляя себя говорить четко, как диктор новостей.

— Я не посторонняя. Я старший аналитик отдела контроля качества. И у меня есть вопросы к региональному директору о его командировке в Краснодар.

Денис медленно поднял глаза. В них не было страха. Только холодная скука.

— Она опять, — сказал он тихо, обращаясь к присутствующим. — Извините, коллеги. Видимо, моя жена снова приняла свои препараты без рецепта.

Слово «препараты» повисло в воздухе, тяжелое и липкое, как смола. Я рванула папку на себя, выкладывая документы прямо на лакированную поверхность стола перед председателем.

— Вот! — мой голос сорвался на визг, и я ненавидела себя за это. — Отель забронирован на имя «Гость», а билет куплен на фамилию «Левченко». Это подделка отчета! Вы должны...

Игорь Сергеевич жестко остановил меня рукой. Не грубо, но властно.

— Хватит. Поведение недопустимо. Нарушение регламента доступа в переговорные комнаты. Охрана!

Двое мужчин в серых костюмах уже стояли у двери. Их руки были сложены на поясе, позы расслаблены, но глаза цепкие. Они стояли у выхода, и я больше не могла смотреть на председателя, не замечая их боковым зрением. Попробовать уйти? Один уже повернул голову ко мне. Я сжала края папки. Еще минуту назад я собиралась заставить этих людей прочитать отчет. Теперь хотелось только оказаться по другую сторону двери, но бумаги бросить я не могла.

Денис встал. Его тень легла на мои бумаги.

— Коллеги, давайте будем реалистами, — начал он, и его бархатный голос заполнил комнату, заглушая стук моего сердца. — Моя жена одержима контролем. Семь лет брака превратили её в затворницу собственных страхов. Месяц назад она взломала мою корпоративную почту. Да, я знаю об этом. Я собирался подать заявление в полицию, но семья есть семья. Сегодня она попыталась шантажировать меня деньгами на развод, используя поддельные документы. Эти «билеты»? Фотошоп. Эти «скрины»? Генерация нейросети. Посмотрите на неё. Вы видите аналитика? Или вы видите истеричку, которая боится остаться одна?

Члены совета переглядывались. Я видела, как меняется их взгляд. Сначала сочувствие к жертве домашнего насилия, затем — холодное осуждение сумасшедшей жены директора. Логика была проста: Денис богат, успешен, красив. Марина — бледная, нервная, с темными кругами под глазами (которые я сама себе рисовала бессонницей). Кому верить? Конечно, ему.

— Это ложь! — крикнула я, хватаясь за микрофон на столе, чтобы перекрыть его. — Ты спал с Викторией Левченко! У тебя есть мотив! Слияние активов!

Но звука не было. Индикатор на микрофоне погас. Кто-то из IT-поддержки, сидящий в углу зала, молча переключил тумблер. Тишина обрушилась на меня, глухая и звенящая. Меня физически заглушили. Как муху.

Я поняла, что слова бесполезны. Здесь правит тот, у кого громче голос и чище репутация. Я сгребла свои распечатки в раскрытую папку, толкнула её по столу к председателю и замолчала. Пусть читают сами. Пусть видят цифры.

Игорь Сергеевич, поморщившись, перелистнул билет и отодвинул мою папку. Я ждала. Ждала удивления, ужаса, запроса на проверку. Денис подал ему свою — тонкую, черную, лежавшую у его локтя. Председатель открыл её и достал верхний лист. Не билет. Не отчет.

Это был скриншот переписки из моего личного облака. Разговор с моей единственной подругой, Катей, две недели назад.

«Мне тяжело, Кать. Я не могу спать. Кажется, я схожу с ума. Денис смотрит на меня как на врага. Я принимаю антидепрессанты, но они не помогают. Я хочу уйти из компании, но боюсь, что останусь нищей».

Комната вздохнула. Тихо, почти незаметно. Но этот вздох означал приговор.

— Она даже антидепрессанты принимает без рецепта, — добавил Денис, опираясь руками о стол и нависая надо мной. — И это еще мягко сказано.

Впервые в жизни я почувствовала вкус пепла во рту. Он знал. Он имел доступ к моим самым интимным медицинским данным, к моим слабостям, к моим ночным слезам. И использовал их как оружие. Это была не измена. Это было систематическое уничтожение личности. Он раздел меня на части и показал совету только ту часть, которая выглядела жалкой.

Глава 4

HR-директор, женщина с идеальной прической и пустыми глазами, откашлялась.

— Приказ номер 402-О. Отстранить сотрудника Волкову М.А. от выполнения служебных обязанностей по состоянию здоровья до выяснения обстоятельств. Начать внутреннее расследование на предмет несанкционированного доступа к конфиденциальной информации и промышленного шпионажа.

— Я требую независимую комиссию! — выкрикнула я, чувствуя, как горло перехватывает спазм. — Вызывайте полицию сейчас! Пусть обыщут его кабинет!

Дверь не открылась. Охранники сделали шаг вперед, преграждая путь к выходу. Один из них мягко, но настойчиво коснулся моего плеча. Прикосновение было неприятным, влажным.

— Марина Александровна, вам нужно успокоиться, — сказал он ровным голосом консьержа в отеле. — Решение принято «сверху». Ваша юридическая защита возможна только после завершения внутреннего аудита. Пока вы в статусе подозреваемой.

Подозреваемой. Не жертвой. Не свидетельницей. Преступницей в собственной квартире, которую мы покупали вместе. Ипотека висела над головой дамокловым мечом. Если меня уволят по статье, банк потребует досрочного погашения или ареста счетов. А если арестуют счета за «хищение данных»...

Денис подошел ближе. Так близко, что я чувствовала запах его парфюма — того самого, древесного и пряного, который остался на подушке Виктории в отеле. Меня замутило. Тело отреагировало раньше разума: тошнота подкатила к горлу, пальцы свело судорогой.

Он наклонился к моему уху. Шепот был тихим, интимным, предназначенным только для меня, хотя ближайшие коллеги слышали его.

— Если ты сейчас же не извинишься и не напишешь заявление по собственному желанию, я подам иск о клевете, — прошептал он. — Арестую все твои счета. Ты потеряешь квартиру. Ты потеряешь всё. Твой страх перед бедностью делает тебя послушной, Марина. Ты знаешь это.

Три миллиона ипотеки. Я смотрела на узел его галстука и считала: сколько проживу без зарплаты, кому позвоню, если счет действительно заблокируют? Ни одной суммы, на которую можно опереться. Денис ждал ответа, почти улыбаясь. Он семь лет слышал, как я боюсь долгов. И сейчас знал, что я считаю.

— Есть мирное решение, — вдруг подал голос старый друг семьи, член совета по имени Олег. Он посмотрел на меня с жалостью, которая была хуже презрения. — Подпиши бумагу об уходе по соглашению сторон. Получишь выходное пособие. Три оклада. Денис не станет подавать в суд. Забудем эту историю. Ради детей... то есть, ради вашего спокойствия.

Я посмотрела на Олега. Вспомнила, как год назад он просил у Дениса денег на ремонт офиса, называя нас «образцовой парой». Теперь он выбрал сторону победителя. Три оклада. Это около ста двадцати тысяч. Целое состояние для человека без работы.

— Это взятка за молчание, — сказала я, и голос звучал странно, хрипло, как у курильщика с тридцатилетним стажем. — Я не возьму ваши грязные деньги.

Отказ лишил меня последней финансовой подушки безопасности. В комнате стало тихо. Денис усмехнулся.

— Тогда час. У тебя ровно час, чтобы подписать бумагу об уходе по собственному желанию. Если нет — я активирую пункт договора о конфиденциальности. Любой твой пост в соцсетях, любая жалоба в трудовую инспекцию будут трактоваться как саботаж бизнеса конкурентов. Намек на связь с той женщиной, Викторией, останется в деле навсегда. Ты никогда не найдешь работу в логистике. Никогда.

Загнанность зверя. Я чувствовала, как стены сжимаются. Воздуха не хватает. Легкие горят. Я готова была подписать всё, лишь бы выйти из этой комнаты, лишь бы перестать чувствовать этот запах его успеха, построенного на моем унижении. Рука тянулась к ручке, лежащей на столе.

В этот момент дверь открылась.

Не охранник. Не секретарь. Вошел высокий мужчина в темно-синем костюме, который сидел как влитой. Темные волосы, жесткие черты лица, глаза цвета стали. Внешний аудитор из Москвы. Артем.

Он не посмотрел на меня. Он прошел к свободному месту рядом с Денисом, сел, положил на стол свой планшет и холодно произнес:

— Интересный метод управления рисками, Денис. Но ваши цифры по Краснодару не сходятся с отчетом, который я получил вчера ночью.

Денис замер. Ручка выпала из моих пальцев, катясь по столу и падая с тихим стуком.

Артем не спасал меня. Он не проявил сочувствия. Он даже не поднял на меня глаз. Он использовал момент моего максимального падения, чтобы нанести удар в брешь, которую сам Денис создал своей самоуверенностью. Для Артема я была не человеком. Я была источником информации. Рычагом давления. Пешкой в игре двух хищников.

Я вышла из здания компании через пятнадцать минут после ухода Артема. Мне не разрешили забрать личные вещи — куртку, шарф, кружку с надписью «Лучшему аналитику». Всё осталось внутри. Корпоративная карта была заблокирована. В руках был старый личный телефон: разбитый в отеле аппарат так и не включился.

На улице мело. Крупные снежинки падали на мой тонкий пиджак, таяли, оставляя темные пятна. Я стояла под козырьком бизнес-центра, чувствуя себя абсолютно пустой. Ни работы. Ни денег. Ни репутации. Ни мужа. Только холод и стыд, который жег изнутри.

Телефон завибрировал. Неизвестный номер.

Я взяла трубку, ожидая насмешки Дениса. Ожидала, что он скажет: «Ну что, мышка, где теперь спрячешься?»

Но голос был другим. Низким, ровным, лишенным эмоций.

— Марина? — спросил он.

— Кто это? — мой голос дрогнул.

— Я Артем. У вас есть пять минут, чтобы объяснить мне одну вещь.

Пауза затянулась. Я слышала шум ветра, далекое гудение машин.

— Почему торт на столе в отеле «Рэдиссон» был испечен вами на день рождения Дениса, если Денис утверждает, что вы никогда не готовили?

Свет фонаря над входом мигнул и погас, оставив меня в тени козырька. Мир качнулся. Торт. Тот «Наполеон» с заварным кремом, над которым я возилась три вечера. Он сказал, что оставил его в офисе. А сам отнес туда. Чтобы показать ей? Или чтобы скрыть следы преступления?

Я открыла рот, чтобы ответить, но звук застрял в горле. Впервые за годы я увидела трещину в его броне. И кто-то другой тоже её заметил.

Я не стала его дожидаться. Всю дорогу до дома перебирала в голове каждое его слово за последние полгода и не находила ни одного, которому можно было бы поверить. Глаза не сомкнулись до рассвета.

На следующее утро я вернулась за документами об увольнении. Кабинет HR-директора пах свежей краской и чужим спокойствием. Окна выходили на парковку, где черные седаны бизнес-класса стояли в идеальных рядах, как солдаты на смотре. Я сидела на жестком пластиковом стуле, чувствуя, как коленки предательски дрожат. Не от холода. От того самого стыда, который жжет изнутри лучше любого антидепрессанта.

Галина Петровна, женщина с идеально уложенными волосами цвета меди и улыбкой стоматолога, подвинула ко мне бумагу. Ручка лежала рядом — дорогая, тяжелая, с гравировкой логотипа компании. Той самой компании, которую я любила семь лет и которая сейчас методично вытирала мной пол.

— Марина, мы хотим закрыть этот вопрос красиво, — сказала она мягко, но голос ее не был теплым. Он был гладким, как шелк, которым обвивает удав жертву перед тем, как задушить. — Утечка данных — это статья. Но Денис Сергеевич... он великодушен. Он предложил альтернативу. Заявление по собственному желанию. Плюс, небольшое письмо благодарности за лояльность к руководству. Это сохранит вашу трудовую книжку чистой. А значит, кредитная история не рухнет окончательно. Ну, почти.

Я посмотрела на строчки. «За понимание специфики работы и профессиональную этику». Эти слова резали глаза. Лояльность? К человеку, который трахался с дочерью конкурента в номере отеля «Рэдиссон», пока я пекла ему торт? К человеку, который только что выставил меня сумасшедшей на совете директоров?

Внутри все кричало. Голос, тонкий и истеричный, рвался из горла: «Убей! Кричи! Швыряй чернила ей в лицо!» Но тело слушалось разума. Разум говорил: подпиши. Выживи. Потом будем мстить.

Я взяла ручку. Перо царапнуло бумагу, оставляя синюю дорожку. Чернила въедались в кожу пальца, холодные и липкие. Каждая буква моего имени была капитуляцией. Я ставила подпись, и чувствовала, как часть меня умирает тихо, без фанфар.

— Спасибо, — сказала Галина, забирая листок. В ее глазах блеснул удовлетворенный хищник. — Денис Сергеевич передаст привет. И просил передать, чтобы ты не волновалась о счетах. Арест временный. Если будешь вести себя тихо.

Тихо. Значит, молчать. Значит, исчезнуть.

Глава 5

Коридор третьего этажа был пуст. Все знали, что сегодня день расправы над «серой мышью». Я шла медленно, стараясь не смотреть вниз, потому что там, на ресепшене, уже собирались любопытные головы.

Лена ждала у кулера. Моя бывшая подруга, коллега, человек, которому я звонила в три часа ночи, когда Денис возвращался с «задержками на работе». Лена поправила прическу, увидев меня. Она не подошла. Просто отвернулась, делая вид, что изучает инструкцию по эксплуатации кофемашины.

— Лен, — позвала я тихо.

Она вздрогнула, обернулась. Ее глаза были стеклянными, бегающими. Страх перед начальством пересилил страх перед правдой.

— Марин, ну чего ты хочешь? — прошептала она, оглядываясь по сторонам. — Денис прав. Ты стала... странной. Параноик. Все видели, как ты на него смотрела. Как будто ты знала то, чего не должно быть.

— Я знаю цифры, Лена, — ответила я. Мой голос звучал чуждо, сухо. — Расхождения в отчетах. Бронирования отелей. Мой домашний торт, который он съел с ней, а в отчет внес как покупку в Краснодаре. Цифры не врут.

Лена поморщилась, словно от зубной боли.

— Цифры могут ошибаться. Люди нет. Ты просто ревнивая истеричка, которая разрушила себе жизнь. Не трогай меня, пожалуйста. Мне нужно сохранить работу.

Она развернулась и быстро ушла, оставив меня посреди коридора. Последняя опора исчезла. Дружба оказалась такой же хрупкой, как и брак. Подложка из страха, покрытая тонким слоем вежливости.

Я дошла до турникета. Охранник, молодой парень с массивной челюстью и бейджиком «Сергей», скрестил руки на груди.

— Пропуск сдайте, ключ от кабинета тоже. И сумку откройте.

Вокруг толпились люди. Кто-то снимал видео на телефон. Я почувствовала, как щеки вспыхнули жаром унижения. Они хотели увидеть, как я буду выпрашивать прощение. Или хотя бы злиться.

Вместо этого я достала из сумки карточку пропуска. Положила на стол охраны. Затем ключ. Сделала это с педантичной точностью, выравнивая предметы параллельно друг другу. Карточка и ключ лежали рядом, аккуратнее, чем когда-либо на моем рабочем столе. Я все еще умела навести порядок. Пусть снимают это на телефон: ни за пропуском, ни за ключом я больше не потянусь.

— Порядок должен быть, — буркнул охранник, пытаясь задеть меня словом «порядок», намекая на воровство или хаос.

Я молча повернулась и пошла к лифту. Спина прямая. Плечи расправлены. Внутри — пустота, такая глухая, что эхо шагов отдавалось в черепе.

Я шагнула в кабину. Зеркальные стенки вернули мне женщину в строгом пальто — прямую, бледную, чужую. Семь лет я ездила в этом лифте с мыслями о его встречах и его ужинах. Теперь в зеркале осталась только я.

Двери лифта сомкнулись. Я нажала кнопку первого этажа. Цифры на табло прыгали: 3... 2... 1...

На первом этаже двери открылись, и я увидела его. Денис. Он стоял спиной ко мне, разговаривая по телефону, смеясь своим бархатным басом. Услышав шорох моих туфель, он обернулся.

Его лицо расплылось в той самой фирменной улыбке. Харизма, которая раньше сводила меня с ума, теперь вызывала физическую тошноту, ком в горле.

— Как дела, зай? — спросил он, входя в кабину вслед за мной. Он не спрашивал разрешения. Он занимал пространство. — Не перегрузила нервы? Тебе нужен отдых. Может, отправлю тебя в санаторий? За мой счет, конечно. Мы же семья.

Семья. Слово, которое он использовал как цепь.

Денис нажал кнопку подземной парковки, и двери закрылись раньше, чем я успела выйти. Цифры этажей снова поползли вниз. Я осталась у самого выхода; для нас двоих время остановилось.

— Денис, — начала я.

Он прижал палец к губам, заставляя замолчать. Его глаза потемнели, стали жесткими, как сталь арматуры.

— Тише, — прошипел он. — Здесь камеры. Здесь микрофоны. Ты понимаешь, что ты сделала? Ты подставила компанию. Подставила меня. Если ты думаешь, что можешь играть со мной в игры, то ты ошибаешься. Я контролирую всё. Даже твою голову.

Я подняла глаза. Посмотрела прямо в его лицо. Раньше я видела в нем спасителя, защитника, любимого мужчину. Теперь я видела пустую оболочку, наполненную амбициями и цинизмом.

И впервые за годы я не почувствовала боли. Не почувствовала гнева. Только отвращение. Холодное, клиническое, как запах спирта в операционной.

— Твой голос больше не вызывает у меня ничего, кроме тошноты, — сказала я тихо.

Денис замер. На мгновение его маска треснула. Он не ожидал такого ответа. Он ожидал слез, просьб, оправданий. Он получил равнодушие. Хуже ненависти.

Двери открылись. Я вышла первой и пошла к лестнице, ведущей на улицу. Шаги гулко отдавались в мраморном холле. Я не оборачивалась. Знала, что он смотрит мне в спину, сверяя часы, проверяя, не сорвалась ли я.

Улица встретила меня мокрым асфальтом. Я доехала до окраины с двумя пересадками, поглядывая в зеркало заднего вида — не висит ли на мне хвост, — и каждый раз убеждалась, что одиночество осталось моим единственным спутником. Ключ от студии отыскался на дне сумки, под блокнотом и обрывками чеков.

Арендованная студия была крохотной комнаткой в панельном доме на окраине Екатеринбурга. Три метра на четыре. Запах сырости и чужого табака пропитал стены. Соседи сверху шумели так, будто у них там дискотека. Бас бил прямо в солнечное сплетение, ритмично, назойливо, как пульс крови в висках.

Холодильник гудел пустотой. Внутри лежали только два просроченных йогурта и пачка антидепрессантов, назначенных мне еще до поездки. Телефон разрывался. Коллекторы. Банки. Бывший муж.

Я села на пол среди коробок. Картонные стенки впивались в спину. Передо мной лежал ноутбук. Экран светился в темноте комнаты, как маяк в тумане.

Я открыла всё, что успела сохранить до блокировки доступа. Чаты Дениса с Викторией. Переписку с бухгалтерией. Файлы с отчетами о командировках, где даты не совпадали с билетами. Фотографии чеков из отеля «Рэдиссон», которые я тайком сфотографировала на телефон, пока они ели мой торт.

Руки дрожали. Не от страха. От азарта. Впервые за много лет я не была служанкой, не была женой, не была «серой мышью». Я была сборщиком фактов. Детективом собственной жизни.

Я открыла первый файл. Дата: 14 октября. Время: 23:45.

Сообщение от Виктории: «Милый, торт был суховат. Но я рада, что ты наконец освободился от этой скуки».

Ответ Дениса: «Завтра переведу деньги на твой новый телефон. Не пиши с рабочего номера. Рискованно».

Суховат. Она жаловалась на вкус торта, который я пекла шесть часов, используя рецепт своей бабушки. Он платил за измену деньгами компании.

Я щелкнула мышкой. Открыла следующий файл. Счета. Транзакции. Слияние активов. Схема хищения, спрятанная за красивыми словами о «стратегическом партнерстве».

Понимание ударило меня, как волна. Измена была лишь прикрытием. Виктория не просто любовница. Она была инструментом. Денис продавал компанию кусками, пряча следы в личных отношениях. А я... я была случайной свидетельницей большого преступления. И именно поэтому он так хотел заткнуть мне рот. Не из любви. Из бизнеса.

Я начала перебирать документы, распределяя их по папкам. Хронология. Доказательства. Свидетели. Каждый клик мыши был шагом вперед. Шаг из грязи. Шаг к оружию.

Время сжалось до размеров курсора. Я не заметила, как за окном стемнело, как соседи сверху приготовили ужин и улеглись спать, — только спина заныла, а в горле пересохло до боли.

Часы показывали два ночи. Бас за стеной стих. Тишина давила на уши. Я встала, ноги онемели, и поплелась в маленькую ванную комнату.

Включила свет. Над раковиной висело зеркало, покрытое пятнами известняка. Я посмотрела на свое отражение.

Это не была Марина, жена регионального директора. Это была женщина с серым лицом, мешками под глазами, которые казались синяками после побоев. Волосы слиплись, одежда мялась. Руки тряслись, держась за край раковины.

Внутренний голос, тот самый, который шептал мне годами: «Ты никем не станешь. Ты слишком тихая. Слишком скучная. Ты заслужила это», — заговорил громче.

«Ты проиграла. Ты осталась одна. Без денег, без друзей, без мужа. Ты статист в чужой истории».

Я взяла ватный диск, смочила его водой и начала стирать косметику, которую нанесла утром, чтобы выглядеть достойно перед HR. Тушь потекла, смешиваясь с водой, стекая по лицу, как грязь.

Я смотрела в свои глаза. Темные, уставшие, но живые. В глубине зрачков плескалась ярость. Холодная, расчетливая, опасная.

— Я не проиграла, — произнесла я вслух. Голос дрожал, но слова были твердыми. — Я начала игру.

Именно тогда зазвонил телефон. Не тот, рабочий, заблокированный. Тот, старый, сим-карта которого была привязана к моему личному номеру. Номер, который я дала Артему после поломки основного телефона.

Я схватила трубку.

— Алло?

Голос был низким, спокойным, с легкой хрипотцой. Знакомый по прошлым корпоративным интригам, теперь я узнавала его с первой фразы.

— Марина, — сказал Артем. Внешний аудитор. Человек, который видел в людях не эмоции, а риски и активы. — Я знаю, что вы скачали чаты.

Сердце пропустило удар. Я не отвечала. Слушала, как он дышит. Пауза затянулась, но в ней не было неуверенности.

— У вас есть то, чего нет у следствия, — продолжил он. — Но если вы придете ко мне сейчас, вы будете выглядеть как соучастница кражи данных. Вас посадят вместе с Денисом. Или вместо него. Вы понимаете разницу?

— Что вам нужно? — спросила я.

— Терпения. Подождите неделю. Дайте мне собрать доказательную базу легально. Тогда вы будете свидетелем обвинения. Компенсация морального ущерба будет огромной. И Денис... он ответит за то, что сделал.

Артем повесил трубку. Щелчок соединения оборвался тишиной.

Я стояла посреди ванной, с мокрым ватным диском в руке, глядя на экран телефона.

Тишина комнаты стала оглушающей. За стеной кто-то включил музыку. Новый трек. Быстрый, агрессивный, электронный бит. Бас бил прямо в солнечное сплетение, вбиваясь в ребра, заставляя сердце колотиться в ритме врага.

Я посмотрела на папку с распечатками чатов, лежащую на рабочем столе. Они были моим билетом в ад или в рай. Выбор между безопасностью и справедливостью исчез. Остался выбор между мстостью и забвением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.